
«Социально-чуждые элементы» в советской системе труда по материалам Архангельска (1929–1939)

Елизавета Хатанзейская

The «socially alien» in the Soviet labor system on the materials of Arkhangelsk (1929–1939)

Elizaveta Khatanzeiskaia

(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722010095

Одной из особенностей советской социальной политики было создание системы ограничений для «неблагонадёжных», «социально-вредных», «социально-опасных» элементов. Они имели крайне ограниченный доступ к материальным ресурсам, среднему и высшему образованию, социальному страхованию (пенсии, пособия по утрате трудоспособности и т.д.), не могли голосовать на выборах. Их социальное пространство складывалось стихийно и определялось не столько теорией, сколько практикой. Как отмечает Т.М. Смирнова, «данная социальная категория не только не была юридически оформлена, но и вообще не существовала в рамках официальной социальной структуры»¹. Подобная ситуация создавала огромные возможности для дискриминации широкого круга лиц, представлявших фактически любую социальную группу.

Важным элементом этой системы стало выделение категории граждан, лишённых избирательных прав – «лишенцев». Согласно ст. 69 Конституции РСФСР 1925 г., лишёнными избирательных прав объявлялись лица, прибегающие к наёмному труду с целью извлечения прибыли («кулаки», городские предприниматели и кустари), живущие на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы с предприятий и имущества), частные торговцы, коммерческие посредники, служители религиозных культов всех вероисповеданий и монахи, руководители, служащие и агенты полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, члены династии Романовых, а также «осуждённые за преступления с поражением в политических правах (в том числе осуждённые по политическим мотивам)»². На деле границы группы «лишенцев» были шире, в неё входили лица с «подозрительными» социальными или политическими связями, представители дворянства, буржуазии, духовенства, царского чиновничества, интеллигенции, зажиточные крестьяне, служащие и офицеры белых правительств и армий. Местные власти зачастую толковали закон на свой лад³.

Важнейшим элементом социальной политики советской власти было закрепление в подзаконных актах и ведомственных инструкциях последствий поражения в избирательных правах. «Лишенец» не мог избирать и быть избран-

© 2022 г. Е.В. Хатанзейская

¹ Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 гг. М., 2003. С. 24.

² Конституция РСФСР в редакции от 18 мая 1929 г., раздел IV, глава 6 «О выборах в Советы» (URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508614/chapter/6/#block_46000).

³ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 293.

ным в органы власти, занимать государственные должности, учиться в средних специальных и высших учебных заведениях, не получал пособий, пенсий, компенсаций и карточек (в 1929–1934 гг.)⁴. Он получал заниженную заработную плату, сталкивался с дискриминацией в больницах, судах, жилищных и налоговых ведомствах, а при службе в вооружённых силах его направляли в штрафную роту или тыловое ополчение.

В 1928–1931 гг. во всех государственных учреждениях прошли «чистки» с целью удаления из них «лишенцев» и других «социально-чуждых» лиц. Секретное постановление правительства, изданное в августе 1930 г., предписывало отправлять их «на лесозаготовки, торфоразработки, на уборку снега, в места, где испытывают острую нехватку рабочей силы»⁵. Все государственные учреждения и организации Архангельска регулярно получали запросы на предмет биографии этих работников, их должности на службе до 1917 г., квалификации и возможности замены⁶.

«Лишенцы» зачастую являлись интеллектуальным ядром многих местных организаций и учреждений. Так, в 1929 г. в аппарате управления треста «Северолес» они составляли 11% (40 человек), в основном – юристы, экономисты, инженеры, специалисты в сфере лесного дела, бывшие лесопромышленники, судовладельцы и т.д. На заседании партийной ячейки предприятия было решено удалить все «чуждые советской власти элементы», постепенно заменяя их «партийцами, либо преданными советской власти беспартийными работниками»⁷. С 1929 г. ОГПУ запрашивало информацию о каждом сотруднике, в особенности о лицах «политически неблагонадёжных», «чуждого социального происхождения» и служивших в рядах белых⁸. В течение года аппарат полномочного представителя ОГПУ по Северному краю в Архангельске получил материалы на 1156 лиц, из которых к концу октября было «вычищено» 587⁹.

В то же время государство нуждалось в специалистах дореволюционной школы. Особенно сильно дефицит кадров проявился при переходе к политике «форсированной индустриализации» и после образования Северного края – «валютного цеха страны» с центром в Архангельске. Согласно статистическим данным Севкрайкома, в 1929 г. во всём регионе насчитывалось 5 тыс. научно-технических кадров, а для выполнения задач первой пятилетки необходимо было минимум 14 тыс. Проблема усугублялась тем, что основную часть имевшихся специалистов составляли представители «бывших эксплуататорских классов», принудительно высланные и бежавшие от репрессий. Руководители на местах понимали, что помимо этого «притока извне» необходимо было создавать местную систему образования и подготовки¹⁰. Поначалу результаты оказались весьма скромными. Открытый в Архангельске в 1929 г. Лесотехнический ин-

⁴ Фёдорова Н.А. Лишенцы 1920-х гг.: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики. Т. 5. 2007. № 4. С. 483.

⁵ Кринко Е.Ф. Лишение избирательных прав как форма репрессий: юридическое закрепление и практика применения // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 г. Материалы VI международной научной конференции. Краснодар, 2010. С. 194.

⁶ Государственный архив Архангельской обл., отдел документов социально-политической истории (далее – ГА АО ОДСПИ), ф. 1, оп. 1, д. 1768, л. 1–74.

⁷ Там же, л. 34.

⁸ Там же, д. 2022, л. 1–2.

⁹ Там же, ф. 290, оп. 1, д. 19, л. 5.

¹⁰ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 2022, л. 7, 7 об.

ститут к 1932 г. смог выпустить лишь 70 человек. Контролирующие партийные органы отмечали невысокую квалификацию работников лесной отрасли, их неосведомлённость о достижениях «иностранной технической мысли»¹¹. Первый выпуск Архангельского медицинского института ожидался только в 1937 г., но лечебные учреждения города ещё в конце 1920-х гг. остро нуждались в хирургах, терапевтах, фельдшерах, акушерах, дантистах, фармацевтах¹².

Неудивительно, что руководство предприятий и организаций, стремясь сохранить кадровый состав, отмечало в отчётах ценность многих сотрудников «чуждого социального происхождения». Так, в сведениях о служащих губернского статистического отдела упомянут «бывший белый офицер» Г.Ф. Флоровский, заведующий секцией статистики труда. Руководство характеризовало его как «хорошо квалифицированного и научно-образованного работника», замена которого «в ближайшее время» невозможна¹³. Другой офицер белогвардейских войск, Е.К. Сибирцев, восстановленный в правах в 1927 г., вёл «инструкторскую работу по разработке бюджетов крестьянских хозяйств», имел «и практическую, и теоретическую квалификацию»¹⁴.

Благодаря этим рекомендациям решения по многим «неблагонадёжным» откладывались. В 1928 г. в Архангельском губернском земельном управлении были выявлены 5 человек, служивших в войсках генерала Е.К. Миллера и адмирала А.В. Колчака, однако из-за дефицита специалистов всех их оставили в аппарате¹⁵. В индустриальном техникуме из рекомендовавшихся к «замене» 15 человек, служивших в белых армиях, пятеро сохранили работу¹⁶. Из правления «Северолеса» не был уволен Е.С. Вальков — бывший судовладелец, помощник заведующего пароходным отделом¹⁷. Решили оставить и заведующего управлением финансов Г.А. Каряпина, «служившего в армии Миллера в должности прапорщика», но «работника высокой квалификации, опытного в своём деле»¹⁸.

Однако большинство руководителей мгновенно выполняли указания «сверху». Так, аппарат Госторга в ответ на партийный запрос о выполнении директивы сообщил, что в организации нет «лишенцев», а трое, что были, уволены сразу после выхода постановления горкома ВКП(б)¹⁹. Контора Росгосстраха предоставила сведения о пяти работниках, лишённых избирательных прав, двоих из которых уволили немедленно, остальных — позже, «по заключению комиссии»²⁰.

¹¹ Там же, ф. 290, оп. 1, д. 39, л. 22.

¹² Фактически в каждом номере газеты «Правда Севера» за 1929–1930 гг. встречаются объявления о приёме на работу данных категорий специалистов.

¹³ ГА АО ОДСПИ, ф. 1, оп. 1, д. 1768, л. 23.

¹⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 1768, л. 25.

¹⁵ Там же, л. 14.

¹⁶ Там же, л. 11–12.

¹⁷ Впоследствии его всё же уволили как «лишенца» (Там же, д. 2022, л. 4–5).

¹⁸ Там же, д. 1768, л. 28.

¹⁹ Речь идёт о постановлении горкома ВКП(б) «О ходе чистки и проверке аппарата городского комитета ВКП(б), городских советских партийных и хозяйственных организаций» 1929 г. (ГА АО ОДСПИ, ф. 1, оп. 1, д. 1768, л. 2–3). Аналогичные постановления были приняты и в ряде других городов СССР, в частности, в Ленинграде. См.: Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, ф. Р-1203, оп. 1, д. 241, л. 1–24; ф. Р-7, оп. 1, д. 3813; ф. Р-2574Л, оп. 1, д. 760; и др.

²⁰ ГА АО ОДСПИ, ф. 1, оп. 1, д. 1768, л. 17.

В связи с ростом промышленной инфраструктуры, ротацией кадров и хроническим дефицитом работников, в местной прессе 1930–1935 гг. постоянно публиковались объявления о приёме на работу людей различных профессий. Лесозаводам требовались бухгалтеры, экономисты и счётные работники, почте – сортировщики посылок, доставщики. Архангельским пищевым предприятиям требовались опытные завхозы, счетоводы, бондари. «Северолес» искал инженеров-техников, газета «Правда Севера» – машинисток. Дискриминационные процессы в сфере труда привели к оттоку специалистов из ведущих отраслей экономики. В то же время коммунисты и молодые выпускники вузов, заменявшие «социально чуждых» специалистов, не всегда справлялись с работой, зачастую не имели того же уровня квалификации и опыта.

Дефицит кадров в Архангельске во многом отражал общую ситуацию в стране, что вынудило Центр реагировать. 22 марта и 10 апреля 1930 г. ЦИК СССР направил на места директиву «О пересмотре списков лишённых избирательных прав с целью исправить грубые нарушения»²¹. 15 апреля в Архангельске была создана краевая комиссия по пересмотру дел «лишенцев», в которую вошли представители рабоче-крестьянской инспекции, ОГПУ, прокуратуры, профессиональных организаций. Как показала проверка, ни в одной организации не имелось точных сведений о количестве «лишенцев», а сведения о них заполнялись «на обрывках бумаги, что затрудняло прочтение»²². В списках встречаются бедняки и середняки, продававшие хлеб и нанимавшие рабочую силу на 2–3 дня. Выполняя план, местные органы власти заносили в списки даже грудных детей и умерших. Были случаи лишения избирательных прав однофамильцев²³. В ходе работы комиссии списки были заметно сокращены (табл. 1–3).

Одновременно продолжались «чистки» в государственном аппарате, предприятиях и учреждениях. В прессе началась кампания против «кулаков», обвиняемых в срыве темпов роста промышленного производства. В «Правде Севера» сообщалось о комиссии «по чистке аппарата», которая «принимает любые компрометирующие материалы на сотрудников» организаций, предприятий и учреждений города²⁴.

До массовой высылки на Север крестьян-спецпереселенцев административно-высланные были самой разнообразной и многочисленной социальной группой²⁵. В неё могли входить как рядовые граждане, так и выдающиеся ученые. Яркий пример – знаменитый физик Б.Л. Розинг, высланный из Ленинграда в результате громкого «академического дела». В Котласе он работал на одном из лесозаводов и параллельно читал лекции для инженерно-технических работников о физике, механике и свойствах древесины. Переехав в Архангельск, учёный считал большой удачей получение койки в гостиничной комнате на 14 человек, а хлебную карточку от лесотехнического института получил лишь спустя 1,5 года²⁶.

²¹ Там же, ф. 290, оп. 1, д. 391, л. 2.

²² Там же, л. 3.

²³ Там же, л. 2–3.

²⁴ Правда Севера. 1930. 1 сентября.

²⁵ Подробнее см.: *Хатанзейская Е. В.* Архангельск в системе спецколонизации Северного края в 1929–1936 гг. // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 93–104.

²⁶ Подробнее см.: *Купайгородская А. П.* Борис Львович Розинг // Деятели русской науки XIX–XX вв. Вып. 1. СПб., 2001. С. 90.

Таблица 1

**Результаты работы комиссии о лишении избирательных прав по трём округам
Северного края (Архангельскому, Вологодскому, Северодвинскому)
и Архангельску в апреле 1930 г.**

Причины лишения избирательных прав	Числилось	Осталось
Прибегали к наёмному труду	2 441	1 896
Жили на нетрудовые доходы	1 525	1 172
Торговцы и посредники	4 328	3 754
Служители религиозного культа	1 935	1 857
Агенты полиции и жандармерии	1 758	1 558
Поражённые в правах по суду	1 171	939
Число семей лиц, лишённых избирательных прав	7 310	6 215
Душевнобольные	477	463
Всего	20 945	17 854

Составлено по: ГА АО ОДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 391, л. 4.

Таблица 2

Работа окружных комиссий по разбору дел о лишении избирательных прав

Территориальная единица	Всего разобрано	Отказано	Из списка исключены	Удовлетворено требованиям	На рассмотрении
Вологодский округ	519	2,6%	нет данных	2,6%	15,3%
Архангельский округ	1 907	990	365	480	72
Архангельск	454	237	—	117	—

Составлено по: ГА АО ОДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 391, л. 5–6.

Таблица 3

**Сводные статистические данные краевой комиссии
(отчёт в Крайком ВКП(б) по отдельным социальным категориям граждан)**

Категории граждан, лишённых избирательных прав	Разобрано	Восстановлено	Отказано	Не пересмотрено	Всего
Лица, прибегавшие к наёмному труду	30	10	18	2	60
Лица, живущие на нетрудовые доходы	63	18	38	7	126
Торговцы и посредники	192	58	120	15	385
Служители религиозного культа	26	14	11	1	52
Агенты полиции и жандармерии	60	16	38	6	120
Воевавшие в рядах белых армий	46	11	31	4	92
Члены семей лишенцев	111	60	40	11	222

Составлено по: ГА АО ОДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 391, л. 7.

С усилением продовольственного кризиса в стране снабжение «лишенцев» сокращалось в первую очередь. Постановлением Крайторготдела от 7 марта 1931 г. снизилась норма выдачи хлеба административно-ссыльным рабочим архангельских лесозаводов до 650 г в день рабочему первой категории и 250 г — четвёртой²⁷. С 1 марта 1931 г. административно-ссыльным был прекращён отпуск обедов в столовых, а с 10 марта — на лесозаводах и промышленных предприятиях Архангельска²⁸. Согласно нормам карточного снабжения в 1930 г., административно-высланным полагалась самая низкая норма хлеба (600 г рабочим и 300 г служащим), им не выдавали мясо, животное масло, макароны, чай²⁹.

Расширялась дискриминация и в сфере образования. В газетных объявлениях о наборе учащихся отмечалось, что в учебные заведения принимаются лица «правильного социального происхождения»³⁰. Так, педагогический техникум принимал в 1930 г. на одногодичные курсы только детей рабочих, батраков, колхозников³¹. Для поступления в Архангельский медицинский техникум на сестринское отделение в 1929—1930 гг. необходимо было предоставить документы о социальном происхождении и наличии у родителей гражданских прав. Эти же сведения требовались и при поступлении в школы фабрично-заводского обучения³².

Помимо экономических мер воздействия и ряда социальных запретов, живущий в Архангельске человек «чуждого социального происхождения» обрекался на каждодневное унижение. Обязательной была ежемесячная отметка в комендатуре города. Сосланный историк и краевед В.И. Смирнов так описывал эту процедуру: «Самые потрясающие очереди можно видеть на регистрации ссыльных “на тринадцатом” (комендатура лагерного пункта на Набережной ул., д. 17). Здесь, как тени из ада Данте, стоят, сидят и бродят по двору, вновь встают в очередь — в дождь и в непогоду — люди, не выдержавшие экзамена на социалистическую зрелость. Но и здесь вне очереди получают отметку о своей явке на документе высланные врачи, инженеры, техники и вообще люди, одетые получше и с портфелями»³³.

Несмотря на социальную дискриминацию, «лица чуждого социального происхождения» формировали интеллектуальный потенциал и кадровый костяк местной системы высшего образования и здравоохранения. К началу 1934 г. из 129 работников Лесотехнического института 81 являлся «административно-ссыльным», в Медицинском институте таковых насчитывалось 8³⁴. Среди них оказались выдающийся хирург В.Ф. Войно-Ясенецкий (епископ Лука), профессор В.В. Преображенский, личный врач семьи Л.Н. Толстого Д.В. Никитин. В архангельской ссылке находились и известные историки — Н.И. Ульянов, М.В. Клочков, Н.Я. Новомбергский. В Водорослевом институте в 1933 г. из 32 сотрудников 19 были «чуждого социального происхождения», в том числе химик А.И. Ведринский, исследователь состава беломорских водорослей и их

²⁷ ГА АО ОДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 947, л. 20.

²⁸ Там же, л. 21.

²⁹ Там же, д. 431, л. 15.

³⁰ Правда Севера. 1930. 26 июля, 30 июля, 1 августа, 7 августа, 29 августа.

³¹ Там же. 30 августа.

³² Там же. 13 июля.

³³ Смирнов В.И. Город Архангельск в начале 1930-х гг. (Из записок ссыльного краеведа). Архангельск, 2012. С. 40—41.

³⁴ ГА АО ОДСПИ, ф. 834, оп. 1, д. 198, л. 27.

комплексной химической переработки³⁵. В 1933 г. он разработал метод получения альгиновой кислоты и альгината кальция, в 1934 г. внедрил в производство Архангельского агарового завода методику получения агара из беломорской анфельции³⁶. Другой заметной фигурой Водорослевого института был потомственный дворянин А.Г. Гемп, в 1935 г. работавший начальником научных экспедиций по обследованию запасов водорослей Белого моря³⁷.

Важной стратегией выживания для представителей дореволюционной интеллигенции была частая смена работы, рода деятельности, а нередко — и места жительства. Организации и учреждения стремились «прибрать к рукам» специалистов, которых не хватало в условиях Крайнего Севера. Тем не менее репрессии сильно ударили по квалифицированным кадрам. Так, в 1934 г. в Маймаксанской районной больнице сняли с работы 13 человек с «чуждым социальным происхождением», хотя учреждение и без того нуждалось в работниках³⁸. Всего по Архангельску и его окрестностям на 25 декабря 1934 г. были выявлены 4 265 административно-ссылных граждан, из которых большинство работали в организациях центрального Октябрьского района города (3 373 человек)³⁹.

В 1935 г. участились случаи увольнения «социально-чуждых» лиц, в том числе ссыльных, из предприятий и учреждений города, даже с незначительных должностей. В начале 1935 г. горком ВКП(б) вновь направил на предприятия и в учреждения директиву из Центра с разъяснением, чтобы высланные не допускались к работе в плановых органах, учебных заведениях, на должности экономистов и старших бухгалтеров, им запрещалась литературная деятельность⁴⁰. Однако они могли работать счетоводами, кладовщиками, кассирами, продавцами, конторщиками. Лица, имевшие высшее техническое образование, были вправе устроиться по своей специальности. О каждом приёме на работу или увольнении осуждённых за «политические преступления» организациям следовало сообщать в НКВД и согласовывать своё решение с райкомом ВКП(б)⁴¹.

В 1935 г. директор Архангельского водорослевого института был снят с работы и исключён из партии «за засорение аппарата враждебными элементами», а директор Северной рыбно-хозяйственной научной станции — «за связь с врагом народа»⁴². На животноводческой станции НКВД выявило 13 «социально-чуждых» лиц, в санитарно-бактериологическом институте — 9 специалистов «поповско-дворянского происхождения»⁴³. По требованию комсомольской организации из аппарата Госбанка были уволены административно-высланные экономист и специалист. В школе лесозавода

³⁵ Как записано в информационной сводке ОГПУ, А.И. Ведринский являлся «поручиком царской армии, был на территории белых в Гражданскую войну, выслан в Архангельск как проживающий на территории Деникина; во время Интервенции привлекался по ст. 58» (ГА АО ОДСПИ, ф. 1, оп. 1, д. 1768, л. 11–12).

³⁶ Автобиография профессора А.И. Ведринского 1953 г. (Архив музея Истории медицины Северного государственного медицинского университета, ф. 1, оп. 1, д. 599). См. также: ГА АО ОДСПИ, ф. 296, оп. 1, д. 421, л. 8.

³⁷ ГА АО ОДСПИ, ф. 296, оп. 1, д. 421, л. 8.

³⁸ Там же, ф. 834, оп. 1, д. 178, л. 144.

³⁹ Там же, д. 198, л. 29. Подробнее см.: *Хатанзейская Е.В.* Архангельск в системе спецколонизации Северного края...

⁴⁰ Аналогичные директивы были направлены из Москвы в 1933 и 1934 гг.

⁴¹ ГА АО ОДСПИ, ф. 834, оп. 1, д. 278, л. 6–7.

⁴² Там же, ф. 296, оп. 1, д. 421, л. 7.

⁴³ Там же, л. 8.

№ 16–17 сняли с работы за «троцкизм» учителя математики⁴⁴. Усилились проверки ответственных сотрудников, имевших родственников «чуждого социального происхождения» или проживавших за границей. В эпоху Большого террора эти сведения представляли собой отягчающие обстоятельства, в особенности для лиц, уже арестовывавшихся органами НКВД. В 1936–1937 гг. выяснилось, что на лесобирже № 29 в «административно-хозяйственном аппарате на руководящих должностях оказались бывшие белогвардейцы»⁴⁵. По материалам проверки 1936 г. «ссылные граждане» работали в «Северолесе», «Сульфиттресте», «Сульфатстрое», Архангельской городской электростанции, на Судоремонтном заводе № 2⁴⁶.

Летом 1936 г., после предоставления ЦК ВКП(б) органам НКВД «чрезвычайных полномочий» сроком на один год вплоть до «полного разгрома врагов народа» архангельский горком ВКП(б) 29 сентября 1936 г. провёл два совещания: «О проверке учреждений и организаций органами НКВД» и «О революционной бдительности»⁴⁷. На всех предприятиях города были сформированы списки «классово-чуждых элементов», подлежащих замене⁴⁸. В 1937 г. увольнения по политическим мотивам стали массовыми⁴⁹. Репрессировано руководство и ключевые сотрудники Северного морского и речного пароходства, порта. «Классово-чуждым» оказался весь руководящий состав предприятия «Архпристань» (27 человек). На предприятии «Рыбтрест» выявлены 44 работника «чуждого социального происхождения», которых немедленно уволили. На руководящих должностях «Сульфатстроя» были выявлены 40 «врагов народа», в основном по принципу социального происхождения⁵⁰. Репрессиям подверглось и руководство важнейшего оборонного предприятия «Судострой»⁵¹, Архангельского бумажного комбината им. К.Е. Ворошилова, а также строительства завода № 6⁵².

Репрессии кадрового состава так или иначе коснулись всех архангельских предприятий⁵³. Увольнение с работы по политическим мотивам в этот период нередко подразумевало арест, в том числе членов семьи. За ноябрь–декабрь 1937 г. в Архангельске были арестованы 1 100 руководящих работников. Взамен на ответственную работу выдвинули около 4 тыс. человек⁵⁴. В докладной записке на имя И.В. Сталина «Об обстановке и о работе партийной организации» от 27 ноября 1937 г. первый секретарь горкома А. Никаноров, репрессированный в 1940 г., писал: «В обкоме имеется только два заведующих отделами, остальных нет. Буквально пустой облизполком, нет ни одного управляющего лесных трестов, т[ак] к[ак] они все арестованы»⁵⁵.

⁴⁴ Там же, ф. 834, оп. 1, д. 287, л. 1–2.

⁴⁵ Там же, д. 413, л. 2.

⁴⁶ Там же, д. 412, л. 18.

⁴⁷ Там же, д. 420, л. 45.

⁴⁸ Там же, д. 664, л. 238.

⁴⁹ Там же, л. 177.

⁵⁰ Там же, л. 175.

⁵¹ Ханталин Р.А. Москва–Архангельск: хроника репрессий 1930-х гг. // Репрессии в Архангельске: 1937–1938 гг. Документы и материалы. Архангельск, 1999. С. 47.

⁵² ГА АО ОДСПИ, ф. 834, оп. 1, д. 606, л. 67.

⁵³ Там же, д. 664, л. 174; д. 665, 666, 667.

⁵⁴ Там же, ф. 296, оп. 1, д. 304, л. 1.

⁵⁵ Шубин С.И., Смирнова М.А., Трофименко В.Г. Северный край (1929–1936) в истории России. Архангельск, 2009. С. 258.

К 1939 г. потери стали невосполнимыми. В докладной записке ЦК ВКП(б) от 26 июля секретарь обкома сообщил, что «высшие учебные заведения Архангельска остро нуждаются в научных работниках»⁵⁶. В 1938–1939 учебном году в педагогическом институте остались лишь один профессор и 6 доцентов, в Лесотехническом институте — 5 профессоров и 30 доцентов. Из 24 сотрудников Института иностранных языков ни один не имел учёного звания. Школы и больницы также испытывали острый дефицит квалифицированных кадров. В 1939 г. мединститут выпустил 130 врачей, но все они разъехались по районам области⁵⁷.

Формально после принятия Конституции 1936 г. на высшем законодательном уровне все «социально-чуждые» элементы получили те же права, что и другие советские граждане, но фактически дискриминация сохранялась. Анкета с графой «социальное происхождение» играла важную роль при поступлении в учебное заведение, устройстве на работу, получении жилья. Компрометирующие сведения шепетильно проверялись НКВД. Человек «чуждого социального происхождения» в любой момент мог быть уволен с работы, отправлен в лагерь, расстрелян. Жестокие репрессии, сопровождавшиеся разрушением привычного уклада жизни, лишением имущества, смертью как социальной, так и физической, наводили страх и на окружение арестованных. За исследуемый период были дважды «вычищены» руководство и кадровый костяк ключевых предприятий Архангельской обл., технические специалисты, врачи, преподаватели вузов, учителя и др. Под пристальным вниманием местных органов НКВД оказались в первую очередь ранее судимые, в особенности — по политическим статьям.

Таким образом, в советской экономике, образовании, культуре широко применялись знания и опыт обширной, искусственно созданной законодательством категории «социально-чуждых». За свой труд они получали, как правило, низкие зарплаты, что было выгодно государству, особенно в период становления местной системы образования, здравоохранения и промышленности. Нередко им приходилось выбирать: работать по специальности, или же занять место рядового рабочего или служащего, сократив риски возможного преследования за своё «происхождение». Эта дискриминационная политика усложняла процесс передачи опыта от дореволюционных специалистов, что отражалось и на производстве, и на подготовке кадров. Террор, нерациональное использование человеческих ресурсов и интеллектуального потенциала приводили к крупным просчётам, срывам планов, влияли на все сферы жизни страны. В целом, декларировавшееся в Конституции 1936 г. равенство всех граждан в правах не отражало сложившуюся к тому времени советскую социальную иерархию.

⁵⁶ ГА АО ОДСПИ, ф. 296, оп. 1, д. 469, л. 18.

⁵⁷ Там же, л. 69.